

В предыдущей забавной новелле я поведал вам о том, как некая бедная женщина сыграла весьма злую шутку со своим придурковатым супругом. Ныне же, дабы пополнить собрание подобных историй, расскажу о другом надувательстве, каковое будет еще похлеще того. Слушайте же историю о немце по имени Ганс, его жене и двух ее товарках, которые ловко провели своих мужей.

Неподалеку отсюда, в одной деревушке герцогства Барруа жил да был один немец, слывший самым большим пьяницей во всей округе. Немец пил всюю, и жена его немка от него не отставала, и вдвоем они пропились до нитки, продали и заложили что только можно, лишь бы напиться, так что в доме у них остались одни голые стены. И хотя этот самый Ганс много трудился и зарабатывал дай бог каждому – он был землекопом и ставил изгороди, – но ничто не шло ему впрок: сколько ни заработает, все пропьет. Дошло даже вот до чего: как наступит срок платить сеньору талью,⁴⁴ подушный и прочие налоги и подати, мэр со своими присными несут список дворов и душ бриейскому⁴⁵ прево или еще кому из властей, а когда те подсчитывают собранные деньги, каждый раз оказывается, что платы с одного двора не хватает. Наконец однажды присланные сборщики спросили мэра или кого-то из его советников, почему они приносят не всю сумму. «У вас, – говорят, – столько-то дворов, а денег вы приносите столько-то, выходит, одним двором меньше». Мэр да советники с извинениями признались, что дворов ровно столько, сколько записано, но что есть у них один немец-землекоп, с которого и трех денье не возьмешь, и все про него рассказали: как и на что он живет и как пропивает все, что заработает. Узнав все это, сборщики сказали мэру, чтобы он запретил немцу и его жене ходить в кабаки и пить вино там ли, у себя ли дома или еще где, разве только при скреплении какой-нибудь торговой сделки, как велит обычай, а иначе никак.

Вернулись мэр с советниками в селение, немедля призвали оногo немца и передали ему этот приказ и запрет, чем немало огорошили его и жену его немку, и некоторое время они так и жили, тоскуя и горюя, что не могут выпить, когда захочется. Но наконец додумались, как им быть. Однажды Ганс, толкуя с женой об их беде, сказал, что нет такого закона, который нельзя обойти. «Вот, – говорит, – я и придумал, как нам с тобой и выпить, и запрета не нарушить». – «Ну и как же?» – спрашивает жена. «У нас, – говорит Ганс, – есть коза, наше самое большое богатство, так вот я продам ее тебе за сколько-нибудь, и мы закажем хорошего винца и обмоем сделку. А на другой день ты продашь ее мне, и мы снова пойдем в кабаки, и никто не придерется – мы обмываем новую сделку».

Сказано – сделано, да так и повелось; чуть не каждый день то Ганс продает козу жене, то она ему, и к концу года у них было не больше добра, чем всегда; об атом доложили мэру, а тот передал всем сборщикам, которые от души посмеялись над этим рассказом. И тогда они сказали мэру, чтобы отныне и навсегда он оставил Ганса в покое и податей с него не взимал, пусть, мол, живет, как ему хочется, – видно, его не переделаешь.

А вот вам еще одна история. В том же селении по соседству с Гансом жил другой человек, не в пример его богаче, а все потому, что скаред был, каких мало, и даже не ел досыта. От голода у него живот подводило, зато в доме чего только не было: серебра да золота сколько хочешь; когда же наступал срок платить налоги, с него брали' куда больше, чем с тех, кто каждый день пировал в кабаке. Но вот однажды, уплатив талью, он обозлился, вернулся домой сильно не в духе и в сердцах поклялся, что больше так жить не станет. «Я, – сказал он жене, – надрываюсь больше всех, считаю каждый кусок и каждый глоток, а все мое добро достается этим чертовым сборщикам. Погляди-ка на соседа Ганса и его приятелей: что ни день, торчат в кабаке, а платят куда меньше моего или вовсе ничего, у меня же отбирают мое кровное. Ну так и я, черт побери, буду теперь кутить да обжираться, как они». Пошарил он глазами по дому, да и говорит своей дочери: «Ну-ка, тащи мне кружку пива и вареное яйцо!» – «Целое яйцо, папаша?» – спрашивает девчонка. То есть неужели, мол, подавать целое яйцо для него одного – обычно-то они с женой съедали на ужин одно яйцо на двоих. «Черт возьми! – отвечает отец. – Сказано же тебе – я решил кутить!»

Судите сами, как не похож этот хозяин на своего соседа Ганса, ежели, задумав разгуляться,

⁴⁴ *Талья* – основной налог в средневековой Франции.

⁴⁵ *бриейскому*... – то есть из небольшого городка Брией на севере Лотарингии.